

БИЧЕР

В Сибирь! В Сибирь!

Бичер

В Сибирь! В Сибирь!

«Издательские решения»

Бичер

В Сибирь! В Сибирь! / Бичер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932473-3

Выбор судьбы — интересная, подлинная история об отчаянном вояже с Северного Кавказа в Сибирь девятерых одноклассников после окончания школы. События происходят в середине прошлого века.

ISBN 978-5-44-932473-3

© Бичер
© Издательские решения

Содержание

10 класс. Выбор пути – выбор дальнейшей судьбы	6
Уезжаем в Сибирь!	10
Ищем работу	12
Мы – хлебопекари	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В Сибирь! В Сибирь!

Бичер

Конец 50 – х годов прошлого века. Маленький нефтепромысловый городок в Чечено-Ингушетии.

© Бичер, 2018

ISBN 978-5-4493-2473-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

10 класс. Выбор пути – выбор дальнейшей судьбы

Лето кончилось. Впереди выпускной 10 класс.

Хочу заметить, что на момент начала учебного года в 10 классе о будущем мы как-то не задумывались. В этом последнем учебном году у нас сформировалась дружная компания: я, Рая, Света, Нина, Галя, Виктор, Сергей.

Вечерами в центре городка на площади перед нашим культурным центром собиралась молодежь. Перед началом фильма мы прохаживались по улицам вблизи клуба. При этом, естественно, обсуждали всех и вся. Такая уж натура у девчонок. Обсуждению подлежало все: как одеты, какие песни поют, кто с кем дружит, кто с кем и почему поссорился и т. д.

Здесь же мы часто видели Лешку из нашего класса, в которого была влюблена Рая. Только Лешка прохаживался в компании Лизки, которая славилась не слишком хорошей репутацией. Рая, конечно, переживала, но в те времена высоко держалась марка гордости. Т.е. девчонка могла «сохнуть» по мальчику, но проявлять этого не должна. Лешка, надо сказать, был весьма привлекателен с его черными выразительными глазами, крутыми черными бровями, с его вечно насмешливым взором, но улыбка его была очаровательна. Но, я например, была к нему равнодушна, более того, относилась к нему с оттенком пренебрежения из-за его привязанности к Лизке – неужели он не чувствовал ее порочной натуры. Он, похоже, догадывался о чувствах к нему Раи, поскольку часто подтрунивал над ней.

В нашей компании Нина с Виктором уже давно дружили, обожая друг друга. Мы радовались, что хотя бы у них нет проблем.

Позже я начала замечать, что Сергей не равнодушен ко мне, что я нравлюсь ему. Но я не могла отвечать ему взаимностью, ибо ощущала в себе полное к нему равнодушие.

Однажды вечером во время очередного променада вокруг клуба Рая огорошила нас ошеломляющей новостью. Оказывается, после окончания 10 класса она вместе со своей семьей уедет на Сахалин. В первый момент мы просто потеряли дар речи. Ведь мы чувствовали себя настолько спаянной компанией, что, казалось бы, ничто не может нарушить наш маленький сплоченный коллектив. Мы не задумывались над тем, что рано или поздно после окончания школы наша компания распадется. Каждый пойдет своим путем. Тогда нам казалось, что вот этой нашей компанией мы и дальше будем вместе даже после окончания школы. И вот выясняется, что раскол неизбежен – Рая уже готовится к разлуке с нами.

Вот когда каждый из нас всерьез задумался, а что же я? Предстоит решать, что делать после окончания школы. Получается, что сообщение Раи стало толчком для размышлений о будущем. Поразмыслив, мы вдруг с изумлением для самих себя выяснили, что не собираемся расставаться и после окончания школы. Наивно мы решили, что отправимся на Сахалин с семьей Раи, а там уже каждый будет выбирать свою дорогу, но только, чтобы все мы были рядом.

Мы убеждали Раю, что не собираемся быть обузой для ее родителей, поскольку мы ведь уже будем довольно самостоятельными молодыми людьми с аттестатами зрелости. Рая слушала нас, и на лице у нее было смятение. С одной стороны она была рада возможности не расставаться с друзьями, с другой стороны она не знала, как отнесутся ее родители к нашей безумной идее.

В запале мы и сами забыли, что, решив все для себя, мы не задумались, как отнесутся наши родители к такой бесшабашной идее. Уже не помню, обсуждали ли мы реакцию наших родителей, когда каждый из нас выложил наши намерения дома.

Началась третья четверть. Мы усиленно готовились к выпускным экзаменам. Идея поездки на Сахалин как-то отошла на второй план.

Но однажды Рая сообщила нам, что по разным причинам ее семья отменила поездку на Сахалин. Получалось, что рушилась и наша идея махнуть всей компанией на край СССР.

Но это же невозможно! Мы уже как-то свыклись с тем, что после окончания школы остаемся вместе, т.к. выбрали одну дорожку. Мечты о том, как мы вырвемся из нашего захолустья, поступим в институты, будем жить в больших городах, так завладели нашим сознанием, что без обсуждения мы решили, что все равно уедем, т.к. здесь, в этой глуши мы протухнем. Тем более, что начали просачиваться слухи о том, что представители ЧИАССР добились в Москве реабилитации и восстановления в правах республики, что естественно вызовет возвращение сюда чеченцев и ингушей из Казахстана.

Ну а для меня отъезд в другой город еще означал возможность вырваться из тяжелой семейной ситуации, обусловленной все усиливающимся погружением отчима в алкоголизм, из ситуации, заполненной ежедневными скандалами по этому поводу. Можно сказать, что его пьянство отравило весь период моего отрочества.

Не могу не отметить, что с самого осмысленного детства, глубоко в душе я очень долго надеялась, что мой папа не погиб во время Отечественной войны, что, может быть, придет день, когда он вернется. Мои надежды основывались на том, что папа погиб в конце февраля 1945 года, т.е. практически в самом конце войны. Конечно, такой надежде способствовали и многочисленные рассказы об ошибочных «похоронках», о том, что возвращались военные, которые считались погибшими. Я даже отчетливо представляла себе, как я выскажу отчиму все мои обиды по поводу его пьянства, если вернется мой папа, как я предложу отчиму покинуть нашу семью раз и навсегда.

Я никогда не делилась своими надеждами с мамой, я и так видела, как горько ей сознавать, что она ошиблась в выборе себе мужа, а мне отца. После очередного скандала я умоляла маму разойтись с ним, на что она всегда отвечала мне одно и то же: «Милая моя доченька, не могу я выбросить этого человека. Да, он отравляет нам с тобой жизнь своими пьянками, но без нас он погибнет, не могу я взять на себя такой грех». И всякий раз, слушая эти доводы, я пыталась понять, почему выбросить пьяницу из нашей жизни – грех, а обрекать нашу дальнейшую жизнь на сосуществование с недостойным человеком, который не осознает какую беду он принес в нашу жизнь своим пьянством – это не грех. Тем более, эгоистично рассуждала я дальше, его ей жалко, а меня – нет.

И вот теперь появилась возможность оторваться от всего этого.

И эта возможность оказалась теперь под угрозой.

Но! Идея уже владела нами настолько прочно, что отказываться от нее мы не собирались. Итак, решение принято – едем! Вот только вопрос – куда. Одно мы знали точно – хотим ехать в Сибирь.

Почему именно в Сибирь? А потому, что основная цель каждого из нас состояла в том, чтобы поступить в институт. Понимали, что с подготовкой нашей захолустной школы нам нечего соваться в институты центра. Надеялись, что в Сибири поступить будет легче, все-таки там, наверное конкурсы поменьше. Как я поняла потом, сдавая вступительные экзамены в Томский Государственный университет, зря я принижала уровень нашей школьной подготовки, она была вполне на уровне. В нашей школе была сильная математичка, фанатично влюбленный в свой предмет физик. И вообще все преподаватели очень хотели вложить в нас как можно больше знаний, проявляя при этом строгость, твердость и высокую требовательность к нам. Именно благодаря их усилиям все в нашей дружной компании окончили школу с довольно приличными аттестатами.

Значит, едем в Сибирь! Опять же, Сибирь, как мы помнили по урокам географии, это довольно большой регион.

А теперь самое интересное. Как мы выбирали город, куда хотим направиться. В те времена довольно сильное влияние имел комсомол. Веря в это совершенно искренне, мы решили

написать письма в горкомы комсомола нескольких сибирских городов. Буквально, ткнув пальцем несколько раз в обширную карту Сибири, мы получили такой список: ОМСК, ТОМСК, НОВОСИБИРСК, ХАБАРОВСК.

Текст писем был одинаков. Смысл их сводился к тому, что несколько одноклассников хотят приехать в Сибирский город, чтобы, поработав, выбрать себе специальность, поступить затем в институт. Также в письме мы интересовались относительно возможности найти работу с общежитием. Хочу пояснить, что какое-то время в 50-е годы при поступлении в институт предоставлялась льгота абитуриентам, которые на момент поступления в ВУЗ имели двухлетний трудовой стаж.

Письма отправлены, и мы с нетерпением ждем ответы.

Заманчивая идея, обретая все больше реальности ее осуществления, еще больше сплотила нас. Обсуждали мы наши предстоящие проблемы даже в школе, нисколько не таясь от одноклассников. Реакцией многих были насмешки, ехидная ирония, как будто мы обсуждаем нечто нереальное, потому что никто не верил в серьезность наших планов.

Но вот закончилась третья четверть, началась последняя, а ответов на наши письма все нет! Мы повесили носы. Но даже на минуту не допускали мысли о том, чтобы отказаться от наших планов.

Наконец, сразу после 1 мая получили ответ из Томска. Представители Томского горкома комсомола писали нам, что Томск старинный студенческий город, что нам помогут, что нас ждут. Радости нашей не было границ. А в школе по-прежнему нам не верили, что мы решимся одни, без родителей отправиться в такую даль, куда, между прочим, когда-то ссылали неблагонадежных представителей общества. Более того, одна из преподавательниц, старшая сестра Виктора, стала вообще стращать нас тем, что нас там заставят землю копать. И никакой учебы у нас не получится. И скепсис одноклассников, и подобные запугивания никакого влияния на нас уже не могли оказать. Мы были как одержимые!

Итак, выбор сделан. Ответ на наше письмо пришел только из Томска, не дожидаясь ответа из других городов, мы так и решили: едем в Томск!

Родители, видя наши серьезные намерения, решили нам не препятствовать. Это объяснимо. Все мы в нашей компании имели репутацию благополучных. Никому из родителей не пришло в голову опасаться, что мы можем пойти не той дорожкой, попадем в дурную компанию. Наверное, еще и потому родители были за нас спокойны, что мы собираемся ехать нашей дружной компанией, все родители хорошо знали каждого из нас.

Тем не менее, знакомые моей мамы изумлялись, как она отпускает единственную дочь в такую несусветную даль. На что мама им отвечала: «А что ждет ее здесь? Нет уж, пусть едет, я верю в нее. Пусть использует этот шанс найти свой путь. Если же я удержу ее дома, может случиться, что мы обе об этом потом пожалеем».

Прошли выпускные экзамены.

Готовясь к предстоящей поездке мы с помощью мам сшили себе одинаковые платья, платья к выпускному вечеру тоже сшили одинаковыми. На выпускном вечере девчонки из более обеспеченных семей ехидно отозвались о них. Нам досталось и за их одинаковость (как у детдомовских), за их бедность. Ну а нам было как-то ни холодно, ни жарко от их насмешек.

Где им было понять, что наши родители собирали последние гроши к нашему отъезду.

На выпускном вечере, разумеется, шла речь о дальнейшем выборе. Естественно, мы подтвердили, что уезжаем в Сибирь.

Вот когда начались обиды от одноклассников, которые постоянно язвили по поводу наших намерений. Оказывается, они совершенно искренне считали, что мы занимаемся пустой болтовней, что мы не собираемся на самом деле никуда уезжать. И тут они поняли, что мы действительно уезжаем через несколько дней. А обида их заключалась в том, что если бы мы убедили их в серьезности наших планов, они тоже хотели бы присоединиться к нам.

Мы-то не возражали, но организация нашего отъезда в Сибирь – дело серьезное, в том числе и с материальной стороны, и готовилась заранее. Все мы были из небогатых семей. Когда родители прониклись серьезностью наших намерений, понемногу в течение нескольких месяцев скопили денег на проезд до Томска и чтобы дать немного с собой на первое время, пока устроимся на новом месте. Т.е. я хочу сказать, что желание других наших одноклассников присоединиться к нам мы могли только приветствовать. Но их родители были не готовы к этому материально. О двух мальчиках мы жалели особенно. Один до последнего дня надеялся, что родители смогут собрать необходимую мизерную сумму, но не получилось.

Хочу еще добавить вот что. Я настойчиво просила Сергея отказаться от поездки. Я видела, что он все больше привязывается ко мне. Возможно, это было слишком самонадеянно с моей стороны считать, что он присоединился к нам только ради того, чтобы быть рядом со мной. Я же, чувствуя полное равнодушие к его чувствам, считала, что будет нечестно, что он поедет с нами в надежде в будущем связать наши судьбы. Я пыталась объяснить, как ему будет больно, если я встречу и полюблю другого парня в Томске, и как он будет жалеть о том, что он вообще поехал с нами. Сергей был неумолим. Может быть, он надеялся, что со временем сможет изменить мое отношение к нему, или свое отношение ко мне, не знаю. Но во время очередного нашего объяснения он довольно резко высказался в том духе, что я веду себя как эгоистка, отговаривая его от поездки, что я вообразила, что он едет только ради меня. На самом деле, по его словам, он также как все мы, хочет вырваться из глуши, хочет найти свое место в жизни, а я пытаюсь остановить его. Мне стало стыдно из-за моего высокого самомнения, и я прекратила отговаривать его.

К нашему удивлению, к нам все же присоединились еще два мальчика Коля и Лешка, о котором я уже писала.

Итак 9 отчаянных одноклассников были готовы к отъезду.

Уезжаем в Сибирь!

9 июля 1957 года на площадке перед автобусом, которым мы должны ехать до Орджоникидзе, собралась огромная толпа. Казалось, что весь наш небольшой городок пришел проводить нас в дальний путь. Прохожие, которых мы даже не знали, спрашивали, что за невидаль, отродясь, перед отправлением автобуса в Орджоникидзе не собиралось столько людей. И когда им объясняли, по какому случаю собралось столько людей, они останавливались, чтобы тоже пожелать нам счастливого пути и успеха. Толпа все увеличивалась. А мы цвели, ликуя, стараясь не замечать того, как родители наши украдкой смахивают слезы, отворачиваясь, чтобы скрыть от нас свою тревогу и печаль.

Автобус тронулся, прощальные взмахи платочками за окном, и мы поехали, поехали, навсегда расставаясь с нашим родным Малгобеком, о грустной судьбе которого узнаем уже в ближайшие годы. Но это будет потом.

Позже, уже в письме в Томск мама писала, что буквально через час после того, как автобус уехал, к ней зашел Саша.

Саша был старше меня. Мы с ним дружили (как тогда говорили), пока я училась в 8 и 9 классе. А потом, после окончания школы он уехал в другой город.

Он приехал домой в отпуск, узнал о том, что я собираюсь уехать, очень хотел успеть застать меня, чтобы обговорить со мной наше возможное будущее, но видно не судьба... Мама писала, как сильно он переживал, что не успел застать меня, опоздав всего на час.

Два часа пути до Орджоникидзе, и мы едем в поезде Орджоникидзе-Москва, с тем, чтобы в Харькове пересесть на поезд до Томска.

В первые же часы уже весь вагон знал, что здесь едут в Сибирь девять отчаянных одноклассников. Нас приглашали во все купе, угощали всем, чем могли, расспрашивали, как же это мы решились уехать от родителей в такую даль. Мы терпеливо объясняли, что сами мы ничего такого особенного не находим в нашем решении. Просто хотим увидеть другие места, заработать стаж для льготного поступления в ВУЗ. И все-таки ловили на себе изумленные и восхищенные взгляды.

В Харьков приехали ночью, разгрузились и пошли в кассу компостировать билеты на поезд до Томска. Мест на ближайший поезд до Томска не было. Утром мы помчались в город, в горком комсомола, надеясь на помощь с билетами, но тщетно. Не помню уж, каким чудом все же через сутки мы смогли прокомпостировать наши билеты и продолжили наше путешествие уже до самого Томска.

Здесь же в поезде выяснилось, что Лешка, оказывается, влюблен в Свету, но ехать с нами в Томск не может, должен ехать в Норильск, как ему велели родители. В Норильске у его родителей есть родственники, которые позаботятся о нем первое время. Судя по всему, и Светка тоже была влюблена в Лешку и надеялась в дороге убедить его сменить маршрут. К сожалению, ей это не удалось, и Лешка, отколовшись от нас, вышел в Новосибирске, чтобы пересесть в поезд до Норильска.

В Томск мы приехали великолепной восьмеркой. И тут выяснилось, что из многочисленной нашей поклажи мы утратили один тюк. После долгих взаимных упреков выяснили, что забыли этот тюк в поезде, когда высаживались в Харькове. Понимая, как будут огорчены наши родители, как будут сетовать, что мы еще дети, раз так небрежно отнеслись к багажу, решили родителям не сообщать о потере. В том тюке были одеяла, кое-какие носильные вещи. Забегая вперед, скажу, что в сентябре Рая получила письмо, из которого стало ясно, что родителям известно о нашей потере. Начали обвинять друг друга – кто нарушил уговор и проболтался. Но позже выяснилось, что когда мы вышли из поезда в Харькове, наши попутчики, так восхищавшиеся нами, обнаружили забытый тюк. Сокрушались, что не знают, куда его можно

было бы доставить. Потом вскрыли его и увидели там наши школьные тетради, по ним установили наши адреса и отправили тюк в Малгобек. Вот такая добрая почти детективная история. Совсем незнакомые люди с таким участием отнеслись к нам. Не сочли за труд, не посчитались с расходами и доставили забытые нами вещи нашим родителям.

Ищем работу

Поезд пришел в Томск рано утром. Высадились, сдали вещи в камеру хранения, стали решать, что делать дальше.

Мы, девчонки с самого начала планировали найти работу, где нам предоставят общежитие, поработать два года, потом поступать в ВУЗ.

Мальчишки решили поступать сразу. Настойчиво пытались уговорить и нас попробовать поступить, не затевая идею со стажем. Мы упрямо стояли на своем, хотя, если честно сказать, успеваемость у нас, девчонок была выше, чем у мальчишек, т.е. у нас был неплохой шанс. Но мы дрейфили поступать сразу, а мальчишки – нет.

На том и порешили. Мальчишки поехали сдавать документы в Политех (ТПИ – Томский политехнический институт).

Мы же отправились по заводам искать работу.

Сначала решили попробовать устроиться сами, не прибегая к помощи горкома комсомола, обещанной нам в письме. Буквально после 2—3 попыток повесили носы: нас категорически отказывались принять. Основная причина – двое из нас (в том числе и я) попадали в категорию «малолеток», т.к. нам не исполнилось даже 17 лет. Кадровики, не стесняясь, объясняли нам, что с этой категорией работников много «головной боли» – им по закону нужно платить заработную плату как взрослым, а рабочий день не должен превышать 6 часов, их нельзя ставить на тяжелый физический труд, их нельзя ставить в ночную смену и т. д. И хотя мы уверяли, что готовы работать наравне со взрослыми, кадровики были непреклонны и терпеливо объясняли, что нас защищает закон. И этот закон категорически нарушать никому не позволено. В одном месте предложили принять на работу троих, а нам «малолеткам» искать работу в другом месте. Но мы хотели работать непременно все вместе на одном предприятии.

Во второй половине дня, когда мы поняли, что через три часа закончится рабочий день в отделах кадров, решили все же обратиться за помощью в горком комсомола.

Измученные инструкторы горкома чуть со стульев не попадали от изумления, когда до них дошло, что мы те самые, которые писали им весной. Мы поняли, что, отвечая нам формально, они даже предположить не могли, что наши намерения уехать с Северного Кавказа в Сибирь вполне серьезны. На нас прибегали поглазеть инструкторы из других кабинетов. Мы все это чувствовали, но нам было не до обид. В конце концов, мы нахально призвали их прийти в чувство и помочь нам устроиться на работу. Ведь даже ночевать нам было негде, а близился вечер.

Наконец до инструкторов дошло наше отчаянное положение. Нас попросили подождать в коридоре. Через некоторое время нас снова пригласили:

– Хотите стать хлебопеками? Предлагается работа на хлебозаводе. Там согласны были взять нас всех и даже предоставляют общежитие. Надо ли говорить, что мы согласились без всякого колебания. Мы были счастливы – получить работу и крышу над головой!

Получив от инструктора бумажку с адресом и маршрутом, как туда добраться, мы помчались на завод. Уже позже мы узнали, что на заводе из-за тяжелого физического труда большая текучесть кадров, а тут такой подарок: 5 молоденьких девчонок, готовых на любую работу. Большая текучесть кадров была обусловлена тем, что техническое оснащение завода было на довольно низком уровне.

Но сейчас мы были счастливы. Оформившись в отделе кадров помощниками мастеров хлебопечения, мы пошли устраиваться в общежитие. Дополнительная радость – общежитие расположено на 2-ом этаже завода. Так что нам не приходилось решать проблему как добираться до работы. Более того, мы могли прямо в цехе брать для себя хлеб или тесто, если хотели из него что-нибудь приготовить.

На следующий день поехали на вокзал взять вещи из камеры хранения. Там же встретились с мальчишками, у которых тоже все устроилось нормально. Наши мальчишки теперь называются абитуриентами. Документы в приемной комиссии у них приняли, общежитие тоже дали. Теперь им предстоит готовиться к первому вступительному экзамену.

Мы тоже поделились своей радостью о найденной работе с общежитием, но все же, нам было грустно, что вот наши пути уже разошлись. Что делать, мы сами так захотели.

Мы – хлебопекари

У нас началась экзотика трудовых будней.

Какая там охрана здоровья «малолеток»! Нас сразу поставили работать в три смены на полный 8-часовой рабочий день. Каждую из нас прикрепили к определенному мастеру. Мастерами работали молодые девушки, которые общались с нами и между собой, в основном употребляя матерные слова. Первое время мы жутко краснели от их лексики, от их похабных песенок, которые они распевали и на работе, и в общежитии.

Функции нас как помощников мастеров заключались в том, мы складывали в тележки (транзиты) выпеченный хлеб, который мастера выбивали в чан из форм, вынутых из печи. Если замешкаешься, чан переполнялся буханками, мастер вся исходит на мат, а ты глотаешь слезы от бессилия. Заполненный транзит нужно было откатить на участок бракеров, быстро схватить и подкатить к своему рабочему месту пустой транзит. Кроме того, мы должны были прикатывать к рабочему месту мастера транзиты с формами, заполненными тестом. Эти транзиты стояли в расстоечной камере, где поддерживалась теплая, и влажная атмосфера, необходимая для того, чтобы разделанное тесто для будущего хлеба хорошо подходило. Транзиты были очень тяжелые, старые, с расхлябанными колесами. На полу в цехе было полно выбоин, и если колесо транзита попадало в выбоину, без дополнительной помощи сдвинуть с места транзит было невозможно. А от рабочего места мастера уже несутся трели отборного мата. У нее печь перегревается без загруженных форм с тестом. Естественно, все шишки на помощника. Если очень разгневется, может и формой запустить, правда, не прицельно, а так, чтобы зло сорвать. И все это нужно было выдерживать всю восьмичасовую смену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.